

“ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ”: МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ В ПОЛЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Ключевые слова: Верхнее Поволжье, социальное пространство, кладбище, социальные коммуникации, семейная идентичность, место захоронения, надгробные сооружения, поминальная обрядность

Места захоронения, являющиеся неотъемлемыми и структурообразующими элементами кладбища, представляют собой единый комплекс надмогильных сооружений вокруг одной или нескольких могил. Эту территорию можно обозначить как “частную” с коннотациями “частной собственности” и “закрытой территории”. В статье обсуждаются наиболее типичные способы обустройства индивидуального и коллективного/семейного места захоронения на современных кладбищах региона Верхнего Поволжья и их связь с происходящими здесь социальными взаимодействиями. Автор выделяет в комплексе места захоронения “ядро” — место погребения, вокруг которого выстраиваются остальные конструкции, и границу, маркированную оградой или обозначенную условно. Надгробие на месте погребения выступает символической репрезентацией покойного и реализует функцию места захоронения как места памяти. Обозначение границ места захоронения как зоны ответственности одной семьи позволяет создавать и сохранять комплекс погребения в том виде, который соответствует установкам близких покойного, и осуществлять поминальные практики в той форме, которую они считают правильной.

Кладбище все чаще становится объектом внимания российских исследователей, изучающих актуальные социокультурные проблемы. Долгое время его пространство рассматривалось преимущественно в контексте традиционной похоронно-поминальной обрядности, однако в настоящее время в работах, посвященных изучению кладбища, больший акцент делается на социальных функциях этого локуса — локуса, который в концептуальном, идеологическом отношении занимает промежуточное положение между миром живых и миром мертвых. Это во многом определяет особое значение кладбища как материального пространства, где происходит коммуникация живых и мертвых, которых связывает чувство сопричастности, ощущение принадлежности к одному общему кругу. Места захоронений являются неотъемлемыми и структурообразующими элементами кладбища, они представляют собой единый комплекс надмогильных сооружений, оборудованный вокруг одного или нескольких мест погребений. Эту территорию можно обозначить как “частную” с коннотациями “частной собственности” и “закрытой территории”. В данной статье обсуждаются наиболее типичные способы обустройства индивидуального и коллективного (семейного) места захоронения на современных кладбищах ре-

---

Елена Геннадьевна Чеснокова | <http://orcid.org/0000-0002-9815-3042> | chesnokova.eg33@gmail.com | аспирант | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 18-18-00082]

гиона Верхнего Поволжья, а также их взаимосвязь с происходящими здесь социальными взаимодействиями. Такой статус места захоронения подразумевает ограничение круга людей, которые участвуют в создании погребального комплекса и осуществляют поминальные практики. В данном случае “частное” определяется через противопоставление “общему”: каждая могила — обособленное приватное пространство социальных взаимодействий в общем “пространстве мертвых”.

В нашем исследовании мы рассмотрим, как формируется комплекс места захоронения, в чем проявляется “частный” характер этого пространства и то, каким образом он влияет на происходящие на кладбище социальные взаимодействия. В основе данной статьи лежат материалы, собранные в ходе полевых исследований в Костромской и Владимирской областях в 2016–2018 гг. Проведенные наблюдения и фотофиксация различных вариантов обустройства мест захоронения и поминальных практик на городских и сельских кладбищах были сопоставлены с сообщениями информантов, полученными в ходе полуструктурированных интервью. Таким образом, мы имеем возможность проанализировать как внешние особенности интересующего нас материального объекта, так и состав и мотивации акторов, связанных с ним. Собранные нами фотоматериалы показывают существенное разнообразие вариантов оформления внешнего вида могил. Анализ интервью, в свою очередь, выявил наличие порой противоположных мотивов в выборе элементов обустройства и практик ухода за местом захоронения. Тем не менее в массиве собранных материалов проявляются некоторые типичные варианты оформления и представления, связанные с созданием ансамбля места захоронения и поддержанием его функционирования.

Место захоронения как частная территория. На современном кладбище подобные места могут осмысляться как “частные территории” — не только выкупленные или сданные в аренду членам семьи усопшего, но и обладающие “социокультурной автономией”, — на которые распространяются правила поведения, характерные для определенной конфессиональной, этнической или профессиональной группы. В данной работе “частная территория” понимается как метафора обособленного приватного места в общем публичном коммуникативном пространстве кладбища. Как правило, это место символически отделено оградкой, хотя может и не иметь визуально выраженной границы. В любом случае оно выделяется из общего пространства кладбища и начинает считаться зоной ответственности группы, которая отвечает за содержание этого участка и имеет особые права, позволяющие организовывать и обустраивать его в соответствии со своими представлениями и возможностями. Надгробные сооружения, ограды и прочие элементы комплекса места захоронения оформляются в соответствии с двумя основными типами ментальных установок членов семьи: с одной стороны, определяющих те черты личности покойного, которые необходимо отразить в пространстве вокруг могилы и в практиках посещения кладбища и поминовения усопших; с другой — складывающихся в отношении престижа, норм почитания умерших, способов коммуникации с ними семьи и других членов сообщества. Установка необычного, дорогого памятника или иной конструкции, выделяющей захоронение среди остальных, служит демонстрацией особого статуса покойного и отношения к нему родственников (Филиппова 2009). Кроме этих “внутренних” рамок существуют и внешние, в которые вписан процесс создания полного ансамбля элементов места захоронения. Они подразумевают ограничения материального характера: доступная территория, доступные варианты оформления, финансовые возможности. Соотношение и границы этих рамок в отдельных случаях могут меняться, но в итоге создается обустроенное пространство.

В современном обществе, в отличие от традиционного, в течение жизни человек постоянно включается в разные социальные группы, которые может довольно быстро покидать; наиболее стабильной из них, основанной на межпоколенных свя-

зях, по-прежнему остается семья. В таком контексте кладбище выступает в качестве узлового, зафиксированного в социокультурном пространстве “места сборки”, где могут быть актуализированы родственные связи. Таким образом, в характеристике места захоронения ведущую позицию занимает функция места памяти, которая позволяет связать умерших и живущих членов одной семьи. Безусловно, есть и другие группы, которые принимают активное участие в обустройстве мест захоронения и уходе за ними, прежде всего профессиональное сообщество. Но при этом нужно отметить некоторые особенности: во-первых, такие примеры немногочисленны; во-вторых, другие группы при обустройстве ориентируются на те же практики, которые характерны для родственного круга; в-третьих, даже в тех случаях, когда обрядованием места погребения занимаются представители профессионального сообщества, члены семьи часто могут участвовать в этом процессе или в дальнейшем изменять облик комплекса захоронения по своему усмотрению. Часто вмешательство посторонних людей считается нежелательным и вызывает неодобрение со стороны семьи: «Учительница наша [похоронена на кладбище] <...> Вот где надо бы это там поблагоустроить что-то. А мне родственники говорят: “Не суйся, не твоё дело. Ты вот так сделаешь, а они придут, скажут: “Неправильно!” Тут только родственники могут командовать. Поэтому вот до сих пор там ничего и не изменено» (ПМА 1: 22).

При общении с умершими очень важную роль играют локусы, связанные как с обрядом захоронения, так и с церемониями поминовения. Если погребение останков человека всегда подразумевает какое-либо физическое пространство, в подавляющем большинстве случаев регламентированное обычаями или законом, то поминовения могут осуществляться в различных локусах как реального (Андрюнина 2008; Разумова 2011: 10–11; Соколова, Юдкина 2012), так и виртуального (Walter et al. 2012; Dilmac 2018) пространства. В таком контексте ключевым отличием места захоронения на кладбище являются его физические характеристики: это место памяти, которое допускает переживание контактного опыта при сохранении остальных важных для поминальных практик возможностей.

Рассматривая материальные объекты, составляющие интересующее нас пространство, мы частично обращаемся к языку описания, который предлагает акторно-сетевой подход; я имею в виду “новую метафорику мышления о социальном — метафорику сетей и потоков — в рамках которой социальное может быть помыслено как неразрывно связанное с материальным, смысловое — с протяженным, темпоральное — с пространственным” (Вахштайн 2005: 103). В большей степени мы ориентируемся на подход, который представляет Дж. Ло (Ло 2006), предлагающий рассматривать объекты в разных топологических системах, во множестве форм пространственностей, образуемых и приводящихся в действие расположенными в них объектами. В акторно-сетевой теории объекты составляют собой пространство, а пространство представляет собой множество объектов. Дж. Ло добавляет к этому идею о том, что внутри объектов также создается пространство, которое “выступает теперь не только как продукт отношений людей и вещей, но и как способ их организации” (Заякина 2017: 23).

Мы не ставим перед собой цели детально рассмотреть сеть, в которую включено место захоронения, или все связи, образованные между элементами возведенного комплекса. Нас интересуют те связи, которые позволяют этому месту создавать и сохранять свое физическое “лицо”, не утрачивая значимой позиции в общей системе социокультурных коммуникаций. При этом важно, что «объект остается тождественным себе, пока (при всех трансформациях) сохраняет некое “ядро устойчивых отношений”» (Вахштайн 2006: 28). Место захоронения — это место памяти, где осуществляется коммуникация между членами определенной социальной группы, живыми и умершими, даже если их разделяет большой временной интервал. Конкрет-

ная форма, содержание и ситуативные мотивы такой коммуникации могут варьироваться — здесь имеет значение поддержание ее актуальности внутри группы. Можно сказать, что это пространство является антропологическим местом (Оже 2017: 84), которое создает идентичность, формирует связи и имеет отношение к истории. Место захоронения, индивидуальное и коллективное, таким образом, становится групповым топосом (Морозов 2015: 6), который проявляет себя в привязке идеологических, мировоззренческих установок к конкретному локусу, наполненному определенными физическими объектами.

Место захоронения: ядро. Для начала определим, что представляет собой ядро комплекса обустройства могилы, с момента возникновения которого можно говорить о существовании отдельного места захоронения, особой “частной территории”. Осевым объектом, вокруг которого в дальнейшем выстраивается весь ансамбль, является место погребения покойного, которое визуальнo маркируется небольшим земляным холмиком и символической репрезентацией умершего — крестом, металлическим или каменным памятником. Такое оформление характерно прежде всего для православного населения, составляющего большинство в обозначенном регионе, поэтому в данной статье этот вариант обустройства рассматривается как наиболее типичный.

“Холмик и крест” — такое описание места захоронения часто звучит в следующих контекстах: так выглядит могила сразу после погребения (имеются в виду “капитальные” сооружения на месте захоронения без учета цветов и венков, которые остаются после похорон); так выглядит могила, если она брошена или за ней мало ухаживают; наконец, так выглядят безымянные могилы. Такое лаконичное оформление места захоронения было характерно для традиционной русской культуры, когда на обычных могилах устанавливались однотипные надгробия без маркирования каких-либо индивидуальных черт покойного. Преодолевая границу мира мертвых, человек включался в число “родителей”, “предков” (Седакова 2004: 31), что лишало его каких-либо индивидуальных черт, а общение с ним регламентировалось предписаниями существовавшей ритуальной традиции.

Во время наблюдения похорон на городском кладбище г. Владимира в июне 2018 г. мы обратили внимание на то, как изменили свое положение присутствующие на похоронах люди после установления на могиле креста. Захоронение производилось на старой части кладбища, оградок ни на данном месте, ни на соседних участках не было. Многие из пришедших проститься, следовавшие за гробом, остались на той дорожке, по которой подходили к могиле, и в момент опускания гроба оказались со стороны ног покойной, оттуда же бросали горсть земли в могилу. После того как был сформирован могильный холмик и на него был установлен деревянный крест, люди начали переходить на противоположную сторону, и довольно скоро все присутствующие были обращены к нему лицом. Это лишь один из примеров того, как крест, установленный на могиле, сразу же организует пространство определенным образом. Он становится центральным объектом места захоронения: именно к нему обращаются люди, адресуя какие-либо слова покойному, к нему ставят цветы, кладут конфеты и другие приношения не только во время похорон, но и в последующие поминальные дни.

Все это можно сказать о любом другом типе надгробия, которое обычно ставится на могилу спустя некоторое время после похорон, поскольку главными его функциями являются маркирование места захоронения и символическое замещение умершего. Эти функции обуславливают стремление родственников сделать надгробие более долговечным и наполнить его информацией об индивидуальных чертах покойного (Громов 2010; Шерстобитов 2015). Наибольшее распространение на современных кладбищах уже давно получили каменные памятники, которые позволяют выполнить оба эти требования. Стремление отразить на надгробии как можно

больше сведений о покойном связано прежде всего с желанием близких зафиксировать свои воспоминания о нем и лишь потом — рассказать (часто ненамеренно) об этом посторонним, которые могут увидеть это сообщение. “И обязательно сзади могилы почему-то рисуют то, что интересовало покойника, и пишут слова про него, определенные. <...> [бабушка] была рыбаком заядлым. И мы ее фотографию сделали — речку и ее лодку. И папа специально выбрал эту фотографию” (ПМА 2: 02).

По словам М. Оже, “всякая репрезентация индивида — это неизбежно и репрезентация присущих ему социальных связей” (Оже 2017: 136), поэтому на надгробиях часто изображаются символы конфессиональной принадлежности покойного, атрибуты его профессиональной деятельности, указывается родственное отношение к нему обустроивавших могилу, наносятся памятные надписи, эпитафии и посвящения, отражающие особую связь с умершим. Отдельно стоит отметить значение изображения покойного, которое является практически неотъемлемым элементом надгробия на современном кладбище и, как любой фотопортрет, становится формой презентации этого человека. Как отмечает В.В. Нуркова, “при невозможности реальной коммуникации с близким человеком фотографический след выполняет функцию его замещения — материализация прототипа” (Нуркова 2006: 39). Как правило, такое изображение размещается на стороне памятника, обращенной к могиле, но нам неоднократно встречались захоронения, на которых с обратной стороны за надгробием устанавливали отдельную фотографию или именную табличку. В отдельных случаях изображение покойного располагалось только на оборотной стороне памятника таким образом, чтобы оно было обращено к дороге (Рис. 1). Данный факт связан с тем, что для рядовых захоронений более актуальной становится узна-

Рис. 1. Изображение умершей, размещенное на оборотной стороне памятника. Нерехтское городское кладбище, Костромская обл. (фото автора, 2016 г.)

ваемость — свойство, ранее характерное для мест погребения выдающихся людей. Безусловно, иногда это приобретает вид необычного по размеру и форме памятника или какого-либо иного сооружения (напр., металлических беседок или каркасных конструкций, имитирующих часовни). Но в большинстве случаев именно портрет покойного, размещенный на надгробии, способствует узнаванию места захоронения человека. Это объясняется тем, что изображение воспринимается гораздо легче, чем текст (*Бутовская* 2004: 382), и его восприятие требует меньше усилий: «Ну, идешь, смотришь, вспоминаешь — кто-то. Потому что, если просто фамилия, — пройдешь. Редко бывает время такое, что походишь по кладбищу, посмотришь: “Надо же! А он умер, оказывается”». [Когда] увидишь фотографию. Фотографию не увидишь, значит, и пройдешь [мимо]» (ПМА 3: 05).

Перемена в мировоззрении родственников покойного отражается в обустройстве места его захоронения. Описанный выше вариант памятника с изображением на надгробии портрета умершего человека относится к наиболее распространенным на современных кладбищах. Однако мы все чаще сталкиваемся в интервью с сюжетами о том, как возобновление постоянной работы сельских церквей и широкий доступ к религиозной литературе меняют взгляды прихожан, в т.ч. отношение к похоронно-поминальной обрядности, что, разумеется, сказывается и на практиках обустройства места погребения. Религиозные установки не только определяют внешний вид захоронений, появившихся после произошедших изменений, но могут мотивировать родственников на преобразования уже сложившегося комплекса:

Мы просто сейчас будем менять памятник и будем ставить ей крест. Просто это чисто моя инициатива, потому что я считаю, что на кладбище должны стоять кресты. <...> Тогда [десять лет назад] не знаю [почему решили поставить каменный памятник]. Как-то резко все получилось, все так суматошно было. Почему-то такой каменный поставили. А я убедила просто родителей, что считаю, что надо поставить крест. <...> И там еще была фотография, я тоже ее запретила (ПМА 3: 03).

Обновляется состав семейной группы, ответственной за содержание места захоронения, родителей заменяют их дети и принимают решения по вопросам обустройства могил своих родственников, исходя из соображений престижа, экономии или соответствия религиозным нормам. Иначе начинают восприниматься умершие по мере увеличения временной дистанции, разделяющей их с живущими; нередко в семейных захоронениях отдельно стоящие могилы, обустроенные в разное время и имевшие разные надгробия, после обновления приобретают некий “стандартный” вид, общий для всех погребенных. Таким образом, на первый план выходит равный статус похороненных родственников в памяти членов их семьи, что напоминает традиционные виды оформления надгробия, лишённые индивидуальных черт покойных, выражающие лишь их принадлежность к одной группе. Другой формой связывания образов умерших между собой (а иногда и с еще живыми людьми) является установка общего надгробия, что фиксирует неотделимость друг от друга тех, кто на нем отмечен, в памяти тех, кто его установил.

Таким образом, надгробие независимо от своего вида с момента появления начинает организовывать пространство вокруг себя, становится центральным объектом места захоронения и основным элементом, на котором сосредоточено внимание. Будучи одной из форм репрезентации памяти о покойном, надгробие наделяется важными для данного социума характеристиками, а затем преобразуется вместе с трансформацией воспоминаний о покойном и изменением значения этих воспоминаний для референтной группы.

Место захоронения: граница. Теперь, когда мы рассмотрели, что собой представляет “ядро” места захоронения и как на него влияет актуальный социокультурный контекст, обратимся к границам места погребения, за которыми особые права чле-

нов семьи на использование их “частной” территории утрачивают свою силу. В обследованном нами регионе заметная часть захоронений не имеет явно выраженной границы между участками, относящимися к расположенным рядом разным могилам. Символическим обозначением особых прав на часть “ничьей” территории в таких случаях является “обживание” доступного пространства путем установки лавочек и столиков, устройства цветников, мощения участка плиткой: “Нет, мы здесь не стали городить. Мы хотим это — мама у нас сказала, что она будет лежать с братом... если. И мы это тут плиткой выложим, чтоб было еще одно место” (ПМА 3: 02). Такой способ демонстрации особых прав на некоторую территорию носит конвенциональный характер и сохраняется преимущественно на сельских кладбищах (Рис. 2). Однако даже там могут возникнуть конфликтные ситуации из-за несоответствия негласных устоявшихся правил и законодательных норм (Мохов, Зотова 2017).

В большинстве случаев необходимость фиксации на кладбище границ участка, которым распоряжаются члены одной семьи, связана с обычаем хоронить родственников рядом, создавая семейные захоронения. Появление рядом с могилой близкого человека чужого погребения вызывает неприятие: “Похоронили хозяина... раскатали, везде всё, и поставили четыре этих шкворня, ну, железные такие, поставили четыре и натянули проволоку — ну, чтобы и для меня место было. Ну что ты думаешь? Взяли это всё выбросили, подхоронили. Всё выбросили, рядом к моему старуху похоронили какую-то чужую!” (ПМА 1: 28).

Во второй половине XX в. на российских кладбищах стали массово появляться оградки вокруг могил. Каким бы ни было первоначальное их предназначение —

Рис. 2. Место захоронения, границы которого расширены лавкой и столом около могилы. Кладбище в с. Никола Межевского р-на Костромской обл. (фото автора, 2016 г.)

символ престижа и состоятельности (*Мохов* 2014: 50–51) или защита от проникновения животных, как считают некоторые наши информанты, — сегодня наиболее актуальной является функция закрепления обозначенной территории за определенной семьей: “Папа у меня ходил, когда у меня погибла бабушка, он выбрал самое большое место, которое было в деревне, и сразу по максимальному огородил, чтобы все рядом были, чтоб не было такого, что там тот-то, тот-то” (ПМА 2: 02). Чем острее ощущается нехватка места на кладбище, тем раньше стараются обозначить свою территорию. Во время посещения похорон на городском кладбище в г. Нерехта мы наблюдали установку ограды сразу после погребения: как только один из сотрудников ритуальной фирмы сформировал могильный холм и установил на нем крест, его коллеги принесли стоявшую неподалеку оградку и буквально надели ее сверху на место захоронения, сместив к одному краю так, чтобы справа от свежей могилы оставалось еще одно место для погребения. Пожалуй, это пример максимально оперативной установки ограды. В основном, по сведениям наших информантов, в т.ч. и работников ритуальных салонов, ее устанавливают через несколько дней после похорон или даже позднее, однако все отмечают, что лучше обозначить участок как можно раньше.

Утилитарная функция наглядной фиксации прав на место захоронения совмещается с символическим значением. Любая территория требует обозначения границ, чтобы отделить пространство, куда допускается определенная группа людей. Таким образом отмечаются рамки, внутри которых действует особый режим взаимодействия. Эти рамки выступают препятствием в коммуникации между теми, кто находится внутри и снаружи (*Crowhurst, Lennard* 1977: 52). В качестве характерного примера отличия способов взаимодействия в зависимости от того, находятся ли люди в пределах огороженного пространства или вне его, может послужить ситуация, которую мы наблюдали в день празднования Радуницы на владимирском городском кладбище в 2017 г. На центральной аллее встретились две семейные пары. Поприветствовав друг друга, они свернули в сторону и двинулись через ряды могил, беседуя между собой. Когда одна пара остановилась у нужного им захоронения, вторая, попрощавшись со входящими внутрь ограды, продолжила путь и, как оказалось, прошла всего на два ряда дальше. Таким образом, семьи оставались довольно близко друг к другу, их разделяло не более пяти метров. Но в то же время каждая пара, пройдя на территорию “своего” места захоронения, сосредоточилась на текущих задачах, связанных с наведением порядка и раскладыванием поминальных угощений, ограничив общение со всеми, кто находился вне пределов ограды. Несмотря на то что в календарные поминальные дни на кладбище собирается множество людей, которые общаются между собой, пока перемещаются между могилами своих близких, как только какая-то группа попадает на отделенную территорию места захоронения, взаимодействие с теми, кто находится за ее пределами, почти полностью прекращается. Внутри создается приватное семейное пространство, в которое крайне редко допускаются посторонние, даже если речь не идет о физическом присутствии “чужого” на месте захоронения. Поскольку во время наблюдения мы осуществляли также фотофиксацию происходящего, нам несколько раз пришлось столкнуться с явным проявлением недовольства нашими действиями со стороны тех, кто находился внутри своих “частных” территорий, когда они замечали направленный в их сторону фотоаппарат. Стоит отметить, что в ситуациях, когда мы фотографировали людей, идущих или едущих по дороге, отношение к этому было весьма спокойным, некоторые даже предлагали зафиксировать недочеты администрации в обустройстве кладбищенской инфраструктуры, принимая исследователя за журналиста. Таким образом, ограда могилы, объединяя внутри себя членов одной семьи, является одновременно символом отделения от остальных.

Место захоронения: поле социальных взаимодействий. Установка (как центрального объекта места захоронения) надгробия, репрезентирующего покойного, и ограды по периметру участка утверждает здесь особый режим социального взаимодействия. Но помимо такого утверждения требуется также и его регулярное подтверждение. Недостаточно просто обозначить, что некоторая небольшая территория на кладбище не относится больше к общедоступному пространству, что право устраивать ее монополизировано определенной группой. Важно также регулярно актуализировать это право, демонстрируя, что эта группа все еще существует и продолжает воспринимать обозначенную территорию как принадлежащую ей. Весь комплекс, который складывается на месте захоронения (памятник, ограда, лавка, стол и др.), требует отдельных усилий, чтобы оставаться неизменным или трансформироваться в зависимости от обстоятельств, влияющих на продолжение “жизни” этого места памяти.

Обращаясь к практикам, направленным на поддержание функционирования места захоронения, имеет смысл разделить их на те, которые являются прерогативой узкого круга членов семьи покойного, и те, которые может осуществлять более широкий круг людей. В первом случае мы имеем в виду все, что относится к установке, поддержанию нормального состояния или замене капитальных конструкций, размещенных на месте захоронения, и об этом мы уже говорили выше. Во втором случае — практики, не подразумевающие существенных изменений сложившейся обстановки: уборка, поминальные приношения, украшение цветами, игрушками и т.п. В данном контексте для нас менее значимо, какие конкретно представления стоят за этими практиками: кладут ли конфеты на могилу для покойного или как поминальное угощение для посторонних. Для нас важен факт того, что наличие любых приношений, оставленных в пространстве места захоронения, воспринимается окружающими как свидетельство посещаемости и сохранения функции места памяти. Поскольку поддержание порядка требует специальных усилий, ухоженность территории также свидетельствует о том, что близкие умершего по-прежнему включают место его погребения в зону своей ответственности. Часто основной целью посещения могилы является не столько совершение поминальных практик, сколько наведение порядка: “Как правило, мы приезжаем [после зимы] — что-то надо делать. Ну, как говорю, у нас деревья же там — много веток. Мы сразу просто начинаем там убираться” (ПМА 3: 03). Масштабная уборка на могилах происходит накануне значимых календарных поминальных периодов — пасхального или троичного, что, конечно же, не исключает возможности ее проведения и непосредственно в поминальные дни. Кроме того, в середине лета многие приезжают на кладбище скосить траву. На городском кладбище в г. Нерехта в начале августа 2017 г. мы наблюдали, как сразу в нескольких его частях разные группы людей приходили на могилы своих родственников с бензиновыми триммерами и выкашивали траву на территории захоронений. Некоторые затем обходили еще несколько могил, где считали необходимым навести таким образом порядок.

Отдельные люди настолько буквально воспринимают место захоронения родственников как часть своего пространства, что “обживают” его таким же образом, как и приусадебный участок, разбивая около могилы цветники, огороженные каменной кладкой или декоративным заборчиком, или клумбы из старых покрышек и пр. Безусловно, такое обустройство, чтобы сохранить нужный облик места захоронения, требует больших затрат времени и сил. Возможен и противоположный вариант, когда в ситуации ограниченности временного ресурса члены семьи не могут особенно часто заниматься поддержанием порядка на территории погребения. В таком случае при выборе форм обустройства они отдают предпочтение конструкциям, которым можно “делегировать” (*Латур* 2006) работу по уходу за пространством во-круг могилы родственника:

Вот и я решила — в камень. А знаешь, тоже я вот подумала, я не хотела бы вроде никогда. Она [сотрудница ритуального салона] предложила плиты — две плиты, на них цветочница и памятник. Я говорю: “Зачем плиты?” <...> Я не хотела, я и там сопротивлялась, чтобы класть плиты. Но она говорит: “Придёшь с венчиком, пометёшь, уйдёшь”. А я подумала, а кто будет эту траву драть, если мы тут чуть ни раз в год, может, приедем (ПМА 2: 04).

Самой распространенной и заметной практикой, которая подтверждает актуальный статус могилы как места памяти, является принесение на нее цветов, что, по мнению некоторых исследователей, связано с “отражением древнейших обычаев украшать могилы цветами и поминать покойников. Изначально подобные ритуалы были календарно фиксированы, но сегодня время года не имеет значения — на кладбище приходят по мере возможности” (*Троцук, Морозова 2017: 48*). Наиболее традиционное место, где обычно располагают букеты и венки, — могильный холмик или заменяющая его цветочница. Но стремление украсить место захоронения близкого человека приобретает и иные формы: цветы вставляются в ажурные или полые элементы металлических крестов, привязываются к памятникам, ими обвивают по периметру оградку. Кроме того, устанавливаются разнообразные конструкции, специально предназначенные для их размещения или выращивания. Выше мы отмечали, что наличие цветника является одной из форм “обживания” места захоронения, а следовательно, маркирования его как частной территории. При этом любое такое маркирование (цветы на могиле, приношения и пр.) сохраняет свое значение для внешнего наблюдателя даже в ситуации бездействия или отсутствия социальной группы, которая заявляла бы особые права на данную территорию:

Даже вот у меня сын приехал из Москвы и говорит: “Мама, там кто-то ухаживает вот [за соседней могилкой]. Кто-то цветы, — говорит, — ставит”. “Это я”. Он говорит: “Как?” Я говорю: “Сереза, у меня выгорают цветы на моих могилах, и я их не на мусорку нес, а просто облагораживаю всю территорию, туда втыкаю”. Почему? Потому что мне жалко — по той могиле стали ходить [пока она стояла пустой] (ПМА 1: 08).

Таким образом, поддержание порядка на месте захоронения и исправного состояния элементов обустройства является демонстрацией актуальности порядка взаимодействий, установленного на данной “частной территории”.

* * *

Комплекс сооружений, вырастающий вокруг могилы, формирует особый режим взаимодействия людей, которые попадают в пространство захоронения, отделяющий их от окружающих. Установка ограды визуально обозначает границу “частной” территории и создает физическое препятствие (пусть даже преодолимое) для посторонних людей. Место захоронения, как и кладбище в целом, не застывает в однажды сформированном виде, а продолжает трансформироваться: оно либо приходит в упадок с течением времени, либо поддерживается и перестраивается теми людьми, которые взяли на себя обязательство следить за этой территорией и обихаживать ее. За длительный период могут измениться как установки и стереотипы членов семейной группы, которыми они руководствуются в своей деятельности по уходу за захоронением, так и состав родственников, взявших на себя ответственность. И в этом, в частности, проявляется необходимость “приватизации” места захоронения членами семьи. Еще в начале статьи мы отмечали, что в современном обществе человеку постоянно приходится включаться в разные группы (непрерывно трансформирующиеся) и покидать их. Локальное сообщество, которое в традиционной культуре способствовало поддержанию социального порядка и норм поведения, уже утрати-

ло свое прежнее влияние, поэтому не может регулировать конкретные традиционные поминальные практики, включая и используемые на кладбище, из-за чего они становятся все более эклектичными. Определение их формы в такой ситуации и выработка или поддержание норм обустройства места захоронения происходит внутри родственного круга. Таким образом, обозначение границ зоны ответственности одной семьи позволяет создавать и сохранять комплекс погребения в том виде, который соответствует установкам близких покойного, и осуществлять поминальные практики в той форме, которую они считают правильной. Обособление участка места захоронения также призвано обезопасить (насколько это возможно) результаты усилий близких покойного от нежелательных действий посторонних людей.

В практиках обустройства захоронения находит свое выражение семейная идентичность. Сложная структура, выстраиваемая на месте могилы, позволяет различными способами представить индивидуальные черты личности покойного, обозначить его семейный круг и выразить отношение родственников к усопшему. Значительную часть персональных сведений содержит надгробие. Могила родственника становится частью “обжитого” пространства семьи, что способствует трансляции на кладбище практик по обустройству жилого пространства: разбивка цветников и клумб, установка лавочек и столов, за которыми могут проводиться поминальные трапезы. Эти практики направлены на поддержание символической связи покойного с родственниками (“семейного круга”) и саморегуляцию на уровне социальной приемлемости и социального одобрения совершаемых действий. Рефлексия семейной истории во время посещения места захоронения способствует восстановлению и поддержанию групповой идентичности, коммуникативного баланса в рамках родственной группы.

Источники и материалы

- ПМА 1 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Мантуровский и Межевской районы Костромской обл. 2016 г. (информанты: 08 — жен., 1957 г.р.; 22 — жен., ок. 60 л.; 28 — жен., 1937 г.р.).
- ПМА 2 — Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Владимир. 2017 г. (информанты: 02 — жен., 1997 г.р.; 04 — жен., 1963 г.р.).
- ПМА 3 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Судогодский и Селивановский районы Владимирской обл. 2018 г. (информанты: 02 — жен., 1989 г.р.; 03 — жен., 1988 г.р.; 05 — жен., 1950 г.р.).

Научная литература

- Андрюшина М.А.* Пространственные характеристики календарных поминальных обрядов // Живая старина. 2008. № 4. С. 26–28.
- Бутовская М.Л.* Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). М.: Научный мир, 2004.
- Вахштайн В.* Возвращение материального. “Пространства”, “сети”, “потоки” в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
- Вахштайн В.С.* Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 24–29.
- Громов Д.В.* “Вы меня не ждите...”: что фиксируется на современных могильных памятниках // Живая старина. 2010. № 1. С. 30–33.
- Заякина Р.А.* Развитие топологических воззрений в недрах акторно-сетевой теории // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия, социология и социальные технологии. 2017. Т. 16. № 1. С. 20–27.
- Латур Б.* Об интеробъективности // Социология вещей / Ред. В. Вахштайн. М.: Территория будущего, 2006. С. 169–198.
- Ло Д.* Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 30–42.

- Морозов И.А.* Локальные традиции и меняющиеся идентичности // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 5–14.
- Мохов С.В.* Почему ограды кладбищ красят в голубой цвет // Живая старина. 2014. № 2. С. 50–52.
- Мохов С., Зотова В.* Дело об ограде, столике и скамье: режимы справедливости в практиках распределения мест на кладбище // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 21–36.
- Нуркова В.В.* Зеркало с памятью. Феномен фотографии: культурно-исторический анализ. М.: РГГУ, 2006.
- Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: НЛЮ, 2017.
- Разумова И.А.* Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья) // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 2. С. 5–18.
- Седакова О.А.* Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.
- Соколова А.Д., Юдкина А.Б.* Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 137–151.
- Троцук И.В., Морозова А.В.* Дарение цветов: особенности ритуализированной практики в современном обществе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Т. XX. № 1. С. 37–55.
- Филиппова С.В.* Кладбище как символическое пространство социальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 4. С. 80–96.
- Шерстобитов К.* “Дополнительная информация” на памятниках: анализ оформления материально-архитектурного знакового пространства на примере городских кладбищ Кимр и Дубны // Археология русской смерти. 2015. № 1. С. 168–193.
- Crowhurst S.H., Lennard H.L.* Architecture: Effect of Territory, Boundary, and Orientation on Family Functioning // Family Process. 1977. Vol. 16. No. 1. P. 49–66.
- Dilmac J.A.* The New Forms of Mourning: Loss and Exhibition of the Death on the Internet // OMEGA — Journal of Death and Dying. 2018. Vol. 77. No. 3. P. 280–295. <https://doi.org/10.1177/0030222816633240>
- Walter T., Hourizi R., Moncur W., Pitsillides S.* Does the Internet Change How We Die and Mourn? Overview and Analysis // OMEGA — Journal of Death and Dying. 2012. Vol. 64. No. 4. P. 275–302. <https://doi.org/10.2190/OM.64.4.a>

Research Article

Chesnokova, E.G. “Private Territory”: Burial Ground in the Field of Social Interaction [“Chastnaya territoria”: mesto zakhoroneniia v pole sotsial’nykh vzaimodeistvii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 65–78. <https://doi.org/10.31857/S086954150004180-8> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Elena G. Chesnokova | <https://orcid.org/0000-0002-9815-3042> | chesnokova.eg33@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Povolzhie, Upper Volga region, social space, social communication, family identity, cemetery, burial ground, burial structures, funeral rites, commemoration rites

Abstract

Burial grounds, which represent integral and constitutive elements in a cemetery, consist of a unified set of burial structures erected above one or several graves. They may be designated as “private” territories, having connotations of “private property” and “restricted space”. The article discusses the

most common approaches to organizing individual and family burial grounds in the cemeteries of the present-day Upper Volga (Povolzhie) region, as well as the ways in which they are embedded in local social interactions. I argue that the space of burial ground may be subdivided into the “core” (the burial spot around which the constructions are arranged) and the “boundary” zones (the latter being usually delineated by a fence or marked by other symbolic means). The tombstone, as a symbolic representation of the dead, serves to endorse the function of the burial ground as a commemoration or memory place. The demarcation of burial ground’s boundaries as an area of responsibility of a particular family is instrumental in its maintenance in accordance with the sentiments and beliefs of the relatives of the dead; and it allows the relatives to conduct commemorative practices in the manner that they consider proper and correct.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 18-18-00082]

References

- Andriunina, M.A. 2008. Prostranstvennye kharakteristiki kalendarnykh pominal’nykh obriadov [Spatial Characteristics of Calendar Memorial Rites]. *Zhivaia starina* 4: 26–28.
- Augé, M. 2017. *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiiu gipermoderna* [Non-Places: An Introduction to Supermodernity]. Moscow: NLO.
- Butovskaia, M.L. 2004. *Yazyk tela: priroda i kul’tura (evoliutsionnye i kross-kul’turnye osnovy neverbal’noi kommunikatsii cheloveka)* [Body Language: Nature and Culture (Evolutional and Cross-Cultural Foundations of Nonverbal Human Communication)]. Moscow: Nauchnyi mir.
- Crowhurst, S.H., and H.L. Lennard. 1977. Architecture: Effect of Territory, Boundary, and Orientation on Family Functioning. *Family Process* 16 (1): 49–66.
- Dilmac, J.A. 2018. The New Forms of Mourning: Loss and Exhibition of the Death on the Internet. *OMEGA — Journal of Death and Dying* 77 (3): 280–295. <https://doi.org/10.1177/0030222816633240>
- Filippova, S.V. 2009. Kladbishche kak simvolicheskoe prostranstvo sotsial’noi stratifikatsii [The Cemetery as a Symbolic Space of Social Stratification]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 12 (4): 80–96.
- Gromov, D.V. 2010. “Vy menia ne zhdite...”: chto fiksiruetsia na sovremennykh mogil’nykh pamiatnikakh [“Do not Wait for Me ...”: What is Fixed on Modern Gravestones]. *Zhivaia starina* 1: 30–33.
- Latour, B. 2006. Ob interob’ektivnosti [On Interobjectivity]. In *Sotsiologiya veshchei* [Sociology of Things], edited by V. Vakhshain, 169–198. Moscow: Territoria budushchego.
- Law, J. 2006. Obekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 5 (1): 30–42.
- Morozov, I.A. 2015. Lokal’nye traditsii i menyayushchiesya identichnosti [Local Traditions and Changing Identities]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 5–14.
- Mokhov, S.V. 2014. Pochemu ogrady kladbishch krasiat v goluboi tsvet [Why are Cemetery Fences Painted Blue]. *Zhivaia starina* 2: 50–52.
- Mokhov, S., and V. Zotova. 2017. Delo ob ograde, stolike i skam’e: rezhimy spravedlivosti v praktikakh raspredeleniia mest na kladbishche [The Case of the Fence, the Table and the Bench: Justice Regimes in the Practice of Distribution of Places in the Cemetery]. *Zhurnal issledovaniia sotsial’noi politiki* 15 (1): 21–36.
- Nurkova, V.V. 2006. *Zerkalo s pamiat’iu. Fenomen fotografii: kul’turno-istoricheskii analiz* [The Mirror with a Memory. The Phenomenon of Photography: Cultural and Historical Analysis]. Moscow: RGGU.
- Razumova, I.A. 2011. Pominal’nye obriady: tipologiya, stsenarii, funktsionirovanie (na primere sovremennykh semei Kol’skogo Zapoliar’ia) [Memorial Ceremonies: Typology, Scenarios, Functioning (on the Example of Modern Families of the Kola Arctic)]. *Trudy Kol’skogo nauchnogo tsentra RAN* 2: 5–18.
- Sedakova, O.A. 2004. *Poetika obriada: pogrebal’naia obriadnost’ vostochnykh i yuzhnykh slavian* [Poetics of Rite: The Funeral Rites of Eastern and Southern Slavs]. Moscow: Indrik.
- Sherstobitov, K. 2015. “Dopolnitel’naia informatsiia” na pamiatnikakh: analiz oformleniia material’no-arkhitekturnogo znakovogo prostranstva na primere gorodskikh kladbishch Kimr i Dubny [“An Additional Information” on the Monuments: Analysis of Decoration of the Mate-

- rial and Architectural Sign Space by the Case of the City Cemeteries of Kimry and Dubna]. *Arkheologiya russkoi smerti* 1: 168–193.
- Sokolova, A.D., A.B. Yudkina. 2012. Pamiatnye znaki na mestakh avtomobil'nykh avarii [Memorial Signs on the Car-Accident Places]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 137–151.
- Trotsuk, I.V., and A.V. Morozova. 2017. Darenie tsvetov: osobennosti ritualizirovannoi praktiki v sovremennom obshchestve [The Gift of Flowers: Features of Ritualized Practice in Modern Society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* XX (1): 37–55.
- Vakhshtain, V. 2005. Vozvrashchenie material'nogo. “Prostranstva”, “seti”, “potoki” v aktorno-setevoi teorii [The Return of Materiality: “Spaces”, “Networks” and “Fluids” in Actor-Network Theory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 4 (1): 94–115.
- Vakhshtain, V.S. 2006. Dzhon Lo: sotsiologiya mezhdu semiotikoi i topologiei [John Law: Sociology in between Semiotics and Topology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 5 (1): 24–29.
- Walter, T., R. Hourizi, W. Moncur, and S. Pitsillides. 2012. Does the Internet Change How We Die and Mourn? Overview and Analysis. *OMEGA — Journal of Death and Dying* 64 (4): 275–302. <https://doi.org/10.2190/OM.64.4.a>
- Zaiakina, R.A. 2017. Razvitie topologicheskikh vozzrenii v nedrakh aktorno-setevoi teorii [The Development of Topological Views in the Bowels of the Actor-Network Theory]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya, sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii* 16 (1): 20–27.